

МЕЖОБЩИННЫЕ СВЯЗИ

Армянское возрождение

Мой очень близкий друг Гариб Бабаян периодически высылаёт мне по электронной связи вашу газету. И я с большим интересом читаю страницы, посвященные арцахской земле. С этой землей связывают меня мое детство и мои корни. И страницы вашей газеты, посвященные Арцаху, возвращают меня мысленно в ту сказочную горную страну, где я, будучи ребенком, проводил большую часть моих школьных каникул, где моя добрая и гостеприимная бабушка лепила для меня самый вкусный в мире лаваш и где мой дед, человек большой душевной красоты и огромного трудолюбия, учил меня премудростям жизни.

Добраться до сказочной страны предков было всегда очень непростым делом. В горной местности не было ни таксистов, ни маршрутных автобусов. Преодолевая непроходимые расстояния приходилось где-то на попутной машине, где-то на пешком, где-то на горном «вездеходе» — ишаке. На исходе дня добравшись до цели назначения, я, хотя и чувствовал неимоверную усталость, не мог заснуть. Кто хоть один раз путешествовал по горной местности, никогда не забудет наполняющий душу радостью горный воздух, кра-

сочные картины горных вершин и их величественное сочетание с лесными массивами, местами переходящими в изобилие ярких цветов и плодовых деревьев; кристально чистой водой горных ручейков, с журчаньем несущих свои холодные воды с вершин гор в глубокие ущелья, превращаясь постепенно в одну широкую и спокойную реку.

В детстве Арцах был для меня сказочной страной, где местные жители рассказывали разные легенды и нередко находили исторические захоронения с драгоценными монетами и древнейшими орудиями труда. Я с удовольствием слушал рассказы стариков, но не понимал еще их значения. Сегодня я знаю, что легенды не возникают на пустом месте. Они передаются из уст в уста, от одного поколения к другому. К сожалению, армяне Арцаха еще не в достаточной степени представили миру эту богатейшую сторону своей истории.

Арцах, как и всякая древняя страна, имеет свои многочисленные легенды. Одна из них представляется мне довольно интересной. По преданию сын Гайка, прародителя всех армян, посетил горную местность, населенную армянами, и очень удивился отсут-

ствию там лесов. По его велению в этом крае должны были возникнуть лесные массивы из плодовых деревьев. Местные жители подержали его и решили превратить горную местность в цветущий сад. За короткий промежуток времени на территории Арцаха возникли огромные лесные массивы, и страна стала называться Сарцах, что на армянском означало «горная лесистая местность» (сар — гора, цех — дерево). Неповторимый карабахский диалект армянского языка является одним из древнейших диалектов. Известна его склонность к колоритным выражениям и краткости. Неслучайно с течением времени начальная буква «С» выпала из употребления, и Сарцах стал называться Арцахом. Но одно обстоятельство осталось неизменным навсегда: сорок процентов территории Арцаха занимают и занимают леса с разнообразной растительностью.

В процессе истории, после подчинения армянского края Персии, персы переименовали Арцах на свой лад в Баг-и-Сиах, что в переводе означало «Черный сад». Это название переняли позднее и тюркоязычные народы, и Арцах стал называться Карабахом (по-тюркски кара — черный, бах — сад). По иронии судь-

бы именно под этим названием Карабах стал известным всему миру. Но цветущий армянский край никогда не был черным садом, его природа радовала глаз каждого туриста. Вспоминаю в этой связи слова, сказанные мне как-то дедом: «Если даже заблудишься в лесу, не забывай: это твой лес, голодным он тебя не оставит».

Огромное богатство Арцаха — безусловно, его сыновья и дочери, родившиеся и выросшие на этой прекрасной земле. Это душевно простые, но неимоверно упорные люди. И где бы они ни жили, Арцах остается всегда у них в душе.

Публикуя материалы об Арцахе, вы вместе с Гарибом Бабаяном делаете большое дело. Вы знакомите ваших читателей с одним из прекрасных уголков земли и рассказываете правду о карабахских армянах. Правду о том, как они на протяжении столетий сохранили свою самобытность. Может быть, сегодня еще рано оценивать значение этих статей. Но эти материалы дадут когда-нибудь плоды.

С уважением и наилучшими пожеланиями из Германии, Армен АРЗУМАНЯН

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ДВА ОЧЕРКА ПИСАТЕЛЯ, ЖУРНАЛИСТА, АВТОРА 3-Х КНИГ И МНОЖЕСТВА РАССКАЗОВ АРМЕНА АРЗУМАНЯНА

Две судьбы — две истории

Горжусь тем, что я армянин

Сколько армянского заложено в армянце, родившемся вне Армении и живущем за пределами Родины? Этот вопрос я адресую Бедросу Дикичиану, председателю правления армянского культурно-церковного общества Берлина, объединяющего 120 армян из Турции, Ирана, Ливана и Армении.

«Я горжусь тем, что я армянин», — говорит хозяин дома и ведет меня к гигантскому кресту, сделанному в виде коллажа из различных сфотографированных хачкаров. С огромным интересом рассматриваю это необычное произведение и догадываюсь, что Бедрос Дикичиан очень старался претворить в жизнь важную для него идею: показать различные армянские каменные кресты как единое целое. Фотографии сделаны в разных частях Армении. За этой работой кроется что-то сердечное, теплое. Наверняка автор хотел сообщить соотечественникам какое-то послание. Может быть, передать им армянскую солидарность и милосердие, так, как он сделал это во время землетрясения в Армении. Бедрос отправился тогда в Гюмри и создал там с помощью немецкого Красного Креста поликлинику для детей и женщин. И сегодня армянская община Берлина поддерживает эту поликлинику.

«Мы, армяне, — библейский народ», — рассказывает Бедрос. «Для меня армянская церковь — это народный фольклор. И наши хачкары показывают: в нас заложено столько силы, что мы во все времена, где бы мы ни жили, хотим сохранить нашу идентичность». Бедрос прекрасно говорит на армянском; только его западноармянский диалект выдает то обстоятельство, что он родился за пределами Армении. Поэтому в разговоре с ним меня не покидает одна мысль: кажется, я нашёл того, кого искал.

Его предки — выходцы из Вана. Бедрос провел свое детство в Стамбуле. Туда бежали его дедушка с бабушкой от геноцида. В воспитании Бедроса Дикичиана огромную роль сыграла бабушка Арменуи Абацин — образованная женщина, владевшая армянским, турецким, курдским, арабским и английским языками. Она рассказывала внуку множество армянских историй и следила за тем, чтобы ее любимец учил армянский язык и ходил в армянскую церковь. Только на улице, по глубокому убеждению бабушки, Бедрос не должен был говорить по-армянски. Это было опасно, и она боялась за внука: его могли за это избить. Так рос Бедрос с противоречивыми чувствами: в общественных местах он как армянин должен был всегда пригибаться.

Когда ему исполнилось 19, его призвали в турецкую армию. Военную службу он проходил офицером. Новичка направили в Карс, в приграничный регион с Арменией. Бедрос старался добросовестно выполнять свои служебные обязанности и не раз получал похвалу от турецких генералов. Но что-то постоянно беспокоило молодого человека: было как-то тяжело на душе. По другую сторону границы находилась другая страна — Советская Армения... Он часто

ходил к пограничной реке Ахурян и с противоречивыми чувствами рассматривал руины армянской церкви Карса. Они провозгладали на него неизгладимое впечатление. Ведь это тоже была армянская земля... Но об этом Бедрос не имел права говорить.

Как только он вернулся из армии, сказал своей матери: «Я больше не могу оставаться здесь. Я должен покинуть эту страну». «Почему?» — забеспокоилась мать. «Я должен найти самого себя». Слова сына звучали убедительно и нашли понимание у матери. «Делай так, как считаешь нужным!» — ответила она.

Бедрос уехал в Европу, чтобы найти самого себя. В Швейцарии, в Базеле, он изучал химию. Немного позднее женился на немке и переехал в Западный Берлин.

Наряду с профессиональным ростом на повестке дня для образованного химика стояла и проблема идентичности. «Я не был ни турком, ни немцем. Я не знал точно, был ли я армянином. Мне очень хотелось узнать, кем я был на самом деле. Мои родители были из Турции, но они были не турками, а армянами», вспоминает Бедрос. После долгих лет сдерживания национальных чувств армянское самосознание становилось все сильнее. В демократической Европе молодой человек мог впервые свободно выражать свои чувства. И вдруг он почувствовал себя заново рожденным: как армянин Бедрос Дикичиан родился во второй раз! Армянская культура стала неотъемлемой частью его жизни. Он усовершенствовал свой армянский язык и почувствовал его красоту. Он стал читать армянские книги и гордиться библейской историей своего народа. Его очаровала армянская музыка и архитектура. Он научился танцевать по-армянски и был рад этому.

«Так я стал хорошим армянином», — смеется мой собеседник. Но это было не все. Бедрос хотел активно заняться общественной работой и, может быть, даже помочь своим соотечественникам. Вместе с другими армянами из Турции он был решительно настроен создать армянское землячество. Германия не была страной иммиграции армян, но даже незначительная группа землячков желала сохранить свою особенность и развивать дальше западноармянский язык. Молодые люди хотели найти место для общения всех соотечественников. Так в 1971 году была вновь создана армянская колония Берлина, и Бедрос Дикичиан был долгое годы председателем правления.

В это же время с движением гастарбайтеров из Анатолии (область в современной Турции) в Германию прибывали многие армянские семьи. Большая часть из них почти ни слова не знала по-армянски. Для взрослых и детей были организованы воскресные армянские школы. Армянский язык преподается в землячестве и по сей день.

«Сегодня на родном языке говорит большинство членов общины, и только небольшая часть говорит по привычке по-турецки, но и они владеют армянским», — говорит Бедрос с радостью.

«Достигло ли армянское землячество своей цели в вопросе сохранения идентичности?» — спрашиваю я. После этого вопроса взгляд Бед-

рос становится серьезным. Мой собеседник задумывается над тем, что ему сказать. Проблемы есть всегда. Одно время, когда Бедрос сделал небольшой перерыв на посту председателя правления, община раскололась. Это было в 1998 году. Сегодня в Берлине существуют два армянских землячества: армянская община Берлина и армянская культурно-церковная община Берлина, которые не поддерживают между собой никаких контактов. Бедрос Дикичиан является председателем правления одного из них. Этот раскол он принимает близко к сердцу и надеется, что обе общины когда-нибудь смогут сотрудничать друг с другом. «Мы все являемся представителями одного народа», — подчеркивает Бедрос.

На прощание Бедрос Дикичиан вручает мне свою визитную карточку. Как и в случае с коллажем из хачкаров, я не могу скрыть своего удивления. На визитке можно прочесть его имя и фамилию — ни телефона, ни адреса. На обратной стороне карты Армении с соседними государствами и короткая информация о Республике Армения.

«Кто хочет узнать Бедроса Дикичиана, должен познакомиться с Арменией», — объясняет свою позицию председатель правления армянского культурно-церковного землячества. Это для него намного важнее, чем его номер телефона и адрес.

Я не знаю, в каждом ли армянце, родившемся за рубежом и живущем за пределами своей родины, столько армянского, как в этом человеке. Но одно точно: есть такие люди, и они заслуживают нашего уважения. Армянские хачкары заложены в глубине их души и свидетельствуют о неимоверной силе нашего народа.

Назели — дочь Сурена

Прошлое армянского народа оставило в каждой армянской душе неизгладимые раны и продолжает все еще влиять на душевное состояние людей. Это касается в особенности армян — выходцев из Турции. Их прадеды, носившие по традиции на протяжении столетий армянские фамилии, в 20-е годы были вынуждены взять турецкие. Это была попытка лишить армян их идентичности и сделать из них турок. Подобный груз прошлого угнетает и сегодня армян, носящих турецкие фамилии; они чувствуют себя психически обремененными.

«Я никогда не чувствовала тождественности с моим турецким именем. Мое имя не было моим», — рассказывает Назели Суренян, армянка из Турции, которую раньше все именовали Назлы Озгюль. Женщина была раздвоена между армянской идентичностью и турецким именем. Приходилось объяснять каждому, что Назели не является турчанкой. Когда она этого добивалась, возникали новые вопросы: почему у армянки турецкая фамилия? Что, у армян турецкие корни?

Все эти вопросы угнетали Назели. Ее родители были выходцами из Турции, но у них были армянские корни. И неудивительно, что Назели не расставалась с мыслью поменять фамилию.

Было не очень-то просто пойти в немецкий ЗАГС и сказать: «Я хочу

поменять фамилию». Перед госпожой Суренян стояли сложные юридические проблемы. Как и все армяне из Турции, она не могла документально подтвердить армянскую фамилию своих предков. А это, в свою очередь, было очень важно для соответствующего ведомства.

У нее были свидетельства о рождении и рождении, подтверждающие ее армянское происхождение. Было ли этого достаточно? Сам факт изменения родовой фамилии армян в Турции не был нигде зарегистрирован письменно. Не имелось ни одного документа, свидетельствующего о том, что родовая фамилия отца Назели Сурена была не Озгюль, а Кардашян («Кар даш» в переводе с западноармянского означает каменщик). Их армянские фамилии армяне, несмотря ни на что, передавали устно из поколения в поколение.

Сомнения мучили Назели. Многие знакомые армяне пытались восстановить историческую справедливость и вернуть родовые армянские фамилии, но из-за отсутствия доказательств и недостаточного обоснования терпели неудачу. Назели знала одного молодого человека из Кельна, который пытался несколько раз поменять свою турецкую фамилию, но всякий раз его просьба была отклонена. Неужели и ей было суждено жить под турецкой фамилией и мучиться? Был ли у нее вообще какой-нибудь шанс без соответствующих документов и доказательств вернуть армянскую фамилию своих предков? Поездка в Армению ускорила ее решение преодолеть эту проблему. Там, на армянской земле, среди соотечественников Назели со своей турецкой фамилией чувствовала себя еще более отдаленной от своей идентичности.

«В такой демократичной стране, как Германия, должно же быть возможным вернуться к своим корням и к своему происхождению», — размышляла Назели. Она отважилась на хождение по инстанциям, не уверенная в том, что ее предпринимчивость может иметь успех. Чужая и нелюбимая фамилия вызывала у нее боль, которую она не желала переносить. Больше всего на свете она хотела в কাছে фамилии иметь имя своего отца Сурена с армянским окончанием, чтобы ее именовали Суренян, что по-армянски означало бы «принадлежащая Сурену». Только так можно было показать всем, что у нее армянские корни и что она дочь Сурена.

«Я была бы бесконечно благодарна, если бы свободно-демократичный правопорядок Федеративной Республики Германии предоставил бы мне такую возможность», — написала Назели в своем заявлении.

Вскоре она получила извещение от соответствующего ведомства о том, что ее заявление поставлено на учет для принятия решения. Назели рассчитывала на длительный процесс, а может, даже на отказ. Через два с половиной месяца неожиданно пришел ответ. Армянка получила право носить армянские имя и фамилию: Назели Анни Суренян! Второе имя Анни как часть европейской идентичности имело скандинавское происхождение.

У нормального человека в подобной ситуации появляются слезы на глазах. «Я горжусь, что я прошла этот путь», — рассказывает Назели. — Но

эмоционально это было для меня нормальным делом. В этот день я чувствовала себя не больше армянкой, чем когда-либо. Армянкой я была всегда!»

И все же что-то в этот день было для Назели необычным, очаровывающим. Ее усилила полученная армянскую и европейскую идентичность оказалась не напрасны. Тяжелый груз прошлого и чувство угнетенности неожиданно исчезли. Никому больше не могло прийти в голову назвать ее турчанкой. Назели чувствовала радость и свободу, как любой свободный человек в демократичной стране, где не нужно стыдиться своих корней.

По этой причине многие годы тому назад ее отец Сурен Озгюль покинул родину. В период движения гастарбайтеров он воспользовался предоставленной возможностью и иммигрировал со своей семьей в Германию. Сурен Озгюль поставил себе целью за пределами Турции без турецкого влияния воспитать своих детей по-христиански.

«Мой отец был армянином с совершенно ясными принципами, — рассказывает Назели. — Уже в 16-летнем возрасте он прервал все контакты со своей отуреченной семьей. Эта стало большой трагедией для молодого человека. Но другого пути не было. Он не мог больше видеть, как семья становилась все меньше и меньше армянской. В долгих хождениях по инстанциям юноша настоял на том, чтобы остаться христианином и армянином, называться не Хусеином, а Суреном. Эта убежденность была закреплена и в свидетельстве о рождении. Прежде чем жениться, молодой человек крестился в армянской церкви.

Для Сурена Озгюля быть или не быть армянином было не просто обыденным вопросом, а делом чести. Он знал, что его прадеды были армяне, и остался им верен навсегда. Это было мужественное решение в стране, где армяне скрывали свою идентичность.

В первый же день, когда семья прибыла в Германию, Сурен отправил своих детей в армянскую общину. Вместе с ними в 40-летнем возрасте он сел на школьную скамью, чтобы изучать армянский язык. Он передал своим детям не только свою убежденность, но и армянское самосознание и гордость. Он научил свою дочь Назели уважать свои корни.

Выбор родителей и происхождения невозможен. Каждый человек в состоянии поменять место своего проживания, изменить внешность, манеру поведения, склонности и даже имя. Но поменять корни невозможно. Достоинство и гордость любого человека вытекают непосредственно из корней. Поэтому никто никогда не должен стыдиться своих корней. Без них каждый человек, как без ориентира жизни, становится потерянным, имеет вечные проблемы идентичности. Уважение к собственным корням идет только на пользу. Кто знает, к какому роду он принадлежит, чувствует себя свободным и открытым. У него появляется и уважение к корням других людей. Никто на этом свете не должен стыдиться своего происхождения. Ведь именно происхождение делает человека уникальным. И каждый из нас имеет право возвратиться к своим корням, где бы они ни жил.